

RODIONOV Vladimir Aleksandrovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Asian History and Regional Studies, Banzarov Buryat State University (6a Ranzhurova St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; vladimir_198025@mail.ru)

NYAMDOLJIN Adiya, Cand.Sci. (Hist.), (PhD), Leading Researcher at the Institute of International Affairs, Mongolian Academy of Sciences (nyamdoljin@mas.ac.mn)

POLITICAL IMAGE OF VLADIMIR PUTIN IN MONGOLIA

Abstract. The article is devoted to the study of the political image of Vladimir Putin in Mongolia. The authors identify objective and subjective factors influencing the perception of the Russian president in Mongolian society. The interest in Putin's personality is due both to the significance of Russian-Mongolian relations and to the specific features of the Mongolian internal political process. Due to the diversity of the political and ideological preferences of the Mongols, Putin's political image is ambivalent, depending on the motivations and preferences of the audience.

Keywords: political image, Putin, Mongolia, Russia, president

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54; kislizins@yandex.ru)

ТЕРЕНТЬЕВА Марина Сергеевна — старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54; _ms@mail.ru)

АВТОКРАТИЗМ КАК ИММАНЕНТНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В АРЕАЛЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье уточняется специфика адаптации демократической политической системы к традиционалистским условиям постсоветского пространства евразийской цивилизации. Так, в России сформировался модернизационный президентский политический режим демократического характера со значительной ролью личности президента В.В. Путина. Авторы показывают, что личностный фактор способствовал формированию в большинстве стран СНГ авторитарных режимов, которые реализуют властную миссию сильного государства и стремятся к ускоренной реализации программ развития. Особая роль личностного фактора и автократических практик осуществления политики проявляется в формировании, как правило, автократических по содержанию, президентских по форме правления режимов. Это определяется историческими причинами и ментальными условиями развития национальных государств на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: политический режим, автократизм, авторитаризм, лидерство, политическая история, российская евразийская цивилизация, постсоветское пространство

В современных условиях актуально изучение теоретических и политико-практических проблем, связанных с функционированием политической системы и режимов постсоветского пространства, определение основных

векторов его дальнейшего развития с позиций неоинституционализма. Для корректировки некоторых устоявшихся политических оценок и экспертных суждений крайне необходимо не только расширять круг анализируемых эмпирических источников, но и реализовать компаративный анализ трансформаций политических режимов постсоветских государств. Г. Алмонд, Р. Арон, З. Бжезинский, М. Вебер, Р. Гестил, М. Дюверже, С. Липсет, Т. Парсонс, К. Фридрих, С. Хантингтон и др. показали, что в рамках социально-политических систем функционируют политические режимы, для которых характерны опредмеченные формы суверенитета, принципы функционирования ветвей власти, участия партий и движений в политической жизни. Для типологизации режимов используются такие критерии, как авторитаризм и плюрализм, централизм и бюрократизм, этатизм и анархизм, эгалитаризм и элитизм, тоталитаризм и демократия и др. [Цыганков 1995]. В отечественной литературе усилиями таких ученых, как В.Н. Абрамов, В.А. Акчасов, М.Г. Анохин, А.П. Бутенко, А.Л. Громыко, С.Ю. Кашкин, С.А. Киреева, А.И. Ковлер, А.М. Мигранян, Е.Н. Мошелков, А.В. Облонский, А.С. Панарин, В.П. Пугачев, А.М. Салмин, Н.А. Сахаров, А.И. Соловьев, Э.Г. Соловьев, Э.П. Теплов, А.П. Цыганков, Р.А. Хомелева, В.П. Червоный, О.Ф. Шабров, Л.М. Энтин, проанализированы и систематизированы характеристики политического режима в современной России.

Политический режим как политико-правовая категория характеризует соотношение понятий политического и государственного режима [Курскова 2010], форму правления, гражданское общество и политическую систему [Шипунов 2011], степень легитимности главы государства, уровень эффективности государственной власти [Пайгина 2015], вопросы влияния институционального устройства авторитарных режимов; роль формальных и неформальных политических практик в контексте логики развития автократий; последствия распространения и развития авторитарных форм власти, причины зависания демократических транзитов [Макаренко, Мельвиль 2014: 18-19]. Хотя политический режим органически включает в себя управленческие методы, однако с помощью управленческих технологий изменить общественное сознание невозможно, т.к. для этого нужна стратегическая работа с идеями, ценностями и умонастроениями, анализ «через их единство, различия, взаимодействия» [Кудрявцев 2012]. Во многих странах прослеживалось чередование парламентского, парламентско-президентского и президентско-парламентского режимов [Эмиров 2016]. Для постсоветских государств актуальны не только проблемы перехода от авторитаризма к демократии, но и вопросы консолидации политического режима и электората [Борисов 2011].

На территориальном ареале российской евразийской цивилизации до сих пор распространен патернализм, этатизм и вера в высшего руководителя страны, который борется с извращающей его курс политической элитой. В силу ментальных характеристик населения имеет значение личность правителя, которая во много определяет складывавшийся на определенном отрезке времени реальный инвариант господствующего политического режима в рамках сложившейся социально-политической системы. Такой инвариант режима нами определяется как личностный политежим. В центре автократического процесса находится не только массы, тяготеющие к авторитаризму, а авторитарная догматическая личность, в основе которой лежит закрытая когнитивная организация личных представлений о реальности, личное убеждение о важности сильной власти в государстве. Естественно, предполагается необходимость сосредоточения такой власти в собственных руках.

Суть традиционной российской автократии проявлялась в первую очередь в личности монархов, вождей и современных президентов. Автократическая форма власти сильно зависит от случайных черт личности и поэтому легче разрушается. Опричные «беснования» и «юрродство» Ивана Грозного, «мертвящий» консерватизм Николая I, иезуитство и «сатанинская» воля И. Сталина обозначили высшие точки развития российской деспотической державности и одновременно предопределили три великие катастрофы российской государственности [Российская историческая... 1998]. А. Гетти считает, что архаичные политические практики свойственны современной России больше, чем другим современным государственным системам. Среди развитых индустриальных обществ в России патримониализм, клиентелизм и множество прочих традиционных практик наиболее распространены, наиболее живучи и дольше всего играли главенствующую роль [Гетти 2016]. Таким образом, в истории России неоднократно менялись политические режимы, в развитии которых прослеживается историческая монархическая ментальность.

Развертывание внутрипартийной борьбы, принимавшей личностный характер, после ухода ленинско-большевистского политрежима с политической арены привело к формированию в рамках советско-коммунистической системы сталинско-большевистского политического режима. Если при В.И. Ленине прослеживались отдельные элементы контроля государства над обществом, то при И.В. Сталине они приняли всеобщий характер. Тоталитарный сталинско-большевистский режим прикрывался Конституцией 1936 г., но в реальности сформировался военно-полицейский личностно окрашенный политрежим, осуществивший массовые политические репрессии. Спровоцировав убийство С.М. Кирова, И.В. Сталин целеустремленно уничтожил практически всю «старую партийную гвардию» — большевистскую и военную элиту — и превратился в абсолютного диктатора.

Когда к власти пришел Н.С. Хрущев, политика приобрела реформаторский характер. Л.И. Брежнев и его окружение проводили политический курс на стабильность и консерватизм. В целом, несмотря на личностные различия Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева как лидеров государства и партии, следует признать наличие общего номенклатурно-коммунистического режима власти, в рамках которого выделяются, соответственно, два выраженных личностных политрежима.

Перестройка в политической сфере привела к возрождению многопартийности и оттеснению КПСС на вторые позиции в управлении государством, к утверждению института президентства, что привело к формированию специфического советского личностного политрежима М.С. Горбачева, который включал в себя элементы советской системы и эмбрионы новой системы. Утвердившись у власти в августе 1991 г., его оппонент Б.Н. Ельцин осуществил ряд мер, выходящих за пределы Конституции СССР, подписал Беловежское соглашение о роспуске СССР и насильственно ликвидировал в октябре 1993 г. Верховный Совет РСФСР и саму советскую власть. В 1990-х гг. реальная эффективность режима была незначительной, т.к. деятельность президента РФ Б. Ельцина прослеживалась в основном в кадровой политике в высших эшелонах власти и привела к доминированию в государстве исполнительной ветви власти. Б. Ельцин начал как общенациональный лидер, но закончил свою политическую деятельность как низкорейтинговый авторитарный формализованный чиновник. В период президентства В. Путина наблюдалось повышение эффективности государственной власти, ее способности централизованно решать основные проблемы развития российского общества. В настоящее время в России идет процесс институциональной

стабилизации президентского режима, который имеет авторитарный персоналистский характер, связанный с личностью В. Путина. Относительная стабильность существующего политического режима осуществляется путем опоры на силовые структуры государства, монополизации федеральных электронных СМИ, использования информационных технологий в целях мобилизации общественного сознания. В отдаленной перспективе по мере совершенствования Конституции возможен переход персонального типа обеспечения легитимности президентского политического режима в более рационально-бюрократический структурный тип.

На современном этапе функционирует президентская республика с утверждением равенства и независимости трех ветвей власти, но фактически концентрирующая все рычаги управления государством в руках президента, который находится вне контроля. В рамках демократической системы и авторитарно-либерального ельцинского политического режима на рубеже XX–XXI вв. сформировался обновленный личностный автократический режим Путина. Российская модель распределения власти обрела некоторые авторитарные черты, присущие развивающимся странам [Попов 2011], однако она функционирует строго на основе Конституции. Причем, как отметил В.В. Путин, он не использовал целый ряд заложенных в ней полномочий.

Если режим Б.Н. Ельцина квалифицируется в литературе как олигархически-демократический, то режим В.В. Путина, который сделал ставку на реальную политическую независимость, надпартийность и государственничество, — как либеральный автократизм. Некоторые политологи использовали термины «управляемая демократия» [Баранов 2011], «гибридный режим» для отражения персонализации власти и одновременной легитимации власти демократическим способом [Хакимов и др. 2013].

В политической истории бывших республик СССР также можно выделить внутренние личностные политрежимы. Приведем примеры. С 1992 г. на Украине функционировала президентско-парламентская республика при наличии президента, который практически не управлял. Затем возникла парламентско-президентская, которая вновь поменялась в обратную сторону. Смена акцентов в соотношении института президентства и парламентаризма на Украине стала имманентной причиной постоянных конфликтов политических субъектов и, естественно, обостряла внутриэлитную борьбу [Кислицын, Петрова, Репинская 2016; Кислицын, Петрова, Терентьева 2019]. Здесь наблюдаются колебания между беспомощным плюрализмом и политикой доминантной власти с постепенным сползанием к консолидированному авторитаризму в последние годы правления Л. Кучмы, восстановлением дисфункциональной демократии при В. Ющенко и выразительным проявлением авторитарных тенденций при В. Януковиче [Баранов 2011]. Киевский режим развернул войну против народа Донбасса, назвав ее «анти-террористической операцией». Политрежим власти, который возглавил олигарх П. Порошенко, официально позиционировал себя как демократический, рыночный, европейски ориентированный и т.п. Однако запрет коммунистического движения Украины как феномена, ликвидация антирежимной политической оппозиции, запрет ряда СМИ, в т.ч. российских ТВ-каналов, монополия официальной идеологии, террористические методы давления, запрет антисистемной оппозиции, всеобщий контроль над СМИ, милитаризация всех сфер общества, агрессия против непокорных регионов, приход к власти военизированным путем или путем давления идеологизированных масс — все это классические признаки тоталитарного режима. На Украине даже складывалась украинская модель бандеро-неофашистского режима,

включающего в себя воинствующий украинский русофобский шовинизм, антикоммунизм, и латентный антисемитизм¹. Но считать украинский режим нацистским в классическом понимании некорректно, т.к. здесь прослеживаются не только элементы нацистского политического формата, но и факты гражданской активности национально-демократического характера, что доказывает приход к власти в 2019 г. президента В. Зеленского [Кислицын, Петрова 2017].

После распада СССР Белоруссия некоторое время была парламентской республикой во главе с либералом С.С. Шушкевичем. По Конституции 1994 г. Белоруссия стала унитарной демократической президентской республикой, в рамках которой были кратковременный либеральный режим С.С. Шушкевича и долгоиграющий режим автократа-консерватора А.Г. Лукашенко. Создав модель государственного полукапитализма-полусоциализма, которую вынужденно спонсировала Россия, он попытался замкнуть политический выбор на своей личности «вечного» президента. Непрозрачные и нечистые выборы-перевыборы президента 2020 г. вызвали серьезный политический кризис в стране и активизацию оппозиции при поддержке внешних сил. Выяснилось, что большая часть городского населения публично выступает за его немедленную отставку и проведение новых выборов под контролем наблюдателей. Многочисленные демонстрации и митинги оппозиции показали, что А.Г. Лукашенко частично потерял легитимность как новоизбранный президент и вопрос заключается в том, каким образом будет оформлена его отставка, какому преемнику он передаст власть и как примет его общество. В.В. Путин оказал максимально возможную помощь А.Г. Лукашенко и помог ему удержаться у власти. По мнению большинства политологов, с уходом из большой политики А.Г. Лукашенко произойдет смена не только этого авторитарного режима, а, может, и социально-политической системы.

В Казахстане почти 30 лет функционировал национально-лидерский, жестко авторитарный режим власти президента Н.А. Назарбаева. Когда в республике обозначился кризис президентской власти, активизировалась оппозиция, начались уличные протесты, президент Назарбаев (в отличие от Лукашенко) инициировал официальную смену руководства. После избрания в 2019 г. новым президентом Казахстана К.-Ж.К. Токаева, Н.А. Назарбаев сохраняет руководящие позиции в должности руководителя Совета безопасности и имидж лидера нации.

Характерные черты президентских режимов Беларуси и Казахстана во многом аналогичны российским, что обусловило их взаимное тяготение и формирование интегративного межгосударственного объединения. Политические руководители этих республик А.Г. Лукашенко и Н.А. Назарбаев являются непосредственными выходцами из партийно-советской номенклатурной элиты, использующими нормы современной избирательной системы и возможности сформированных ими же президентских режимов в конъюнктурных целях. Позиционируя себя в качестве национальных лидеров и завоевав своей деятельностью массовую поддержку избирателей, они сформировали авторитарно-лидерские режимы с обилием элементов культа собственных личностей, что привело к закономерному политическому кризису.

В Закавказье динамика демократического процесса отличается более высокими темпами усиления адаптивности политических режимов к современным требованиям, личностные же варианты режима власти прослеживаются не менее рельефно, чем в других странах СНГ. В Грузии политрежим ультралиберала

¹ Дегтярь И. 2016. Украина: кризис политической нации. Доступ: https://www.discred.ru/news/ukraina_krizis_politicheskoi_nacii/2016-11-21-25066 (проверено 20.01.2021).

З.К. Гамсахурдиа сменил режим власти бывшего партократа Э.А. Шеварднадзе. В 2001 г. оппозиционер М.Н. Саакашвили совершил переворот, названный «розовой» революцией, и агрессию против Южной Осетии. На парламентских выборах в 2012 г. его режим потерпел поражение. В ходе президентских выборов 2013 г. победу одержал ставленник олигархов Г.Т. Маргвелашвили, а в 2018 г. – грузинка из Франции С.Л. Зурабишвили. Однако реальным неформальным лидером в стране стал миллиардер Б. Иванишвили, который сформировал и контролирует новый латентно авторитарный режим власти. Авторитаризм и авантюризм М.Н. Саакашвили был осужден не только морально, но и судебным образом, но режим сохранил все его политические ориентиры внешней и внутренней политики.

Политический режим, существующий в Армении, в целом можно назвать гибридным, поскольку он сочетает в себе черты как авторитаризма, так и демократии. В демократической Армении режим Л.А. Тер-Петросяна сменился в 1998 г. режимом Р.С. Кочаряна и в 2008 г. – режимом С.А. Саргсяна. Несмотря на переход к парламентской форме правления, была сделана попытка сохранить полуавторитарный режим власти С.А. Саргсяна. Однако в результате волнений в обществе к власти пришел новый популистский прозападно ориентированный режим бывшего либерального оппозиционера Н.В. Пашиняна¹. Он пытался осудить экс-президента Р.С. Кочаряна, стал преследовать бывшую партию власти, проявил авторитаризм в решении целого ряда вопросов. Н.В. Пашинян многовекторностью внешней политики ослабил силовой блок Армении, снизил уровень взаимодействия с Россией, посеял зерна сомнений в союзничестве и дружбе Армении в российском обществе². Такими действиями премьер-министр в известной мере сам спровоцировал новое вооруженное нападение Азербайджана на Нагорный Карабах, населенный армянским народом. Карабах стал элементом национальной идентичности Армении и Азербайджана, а элиты этих стран стали использовать противостояние инструментально для укрепления своей власти [Маркедонов 2018: 136].

В Азербайджане с момента ухода представителя компартии А.Н. Муталибова из власти установился политический режим, который именуют гибридным. В нем демократические нормы конституции сочетаются с авторитаризмом высшего руководства, причем с элементами наследственной власти восточного типа. Личностный политрежим власти ультралиберала, бывшего оппозиционера А.Г. Эчлычбея сменил режим бывшего партократа СССР и главы КГБ республики Г.А. Алиева. Современный Азербайджан – это личная власть его сына И.Г. Алиева, избранного президентом, его жены – вице-президента, мощная партия власти, аморфная оппозиция, тесное взаимодействие властных структур с олигархическим структурами. В сентябре 2020 г. режим осуществил нападение на Нагорно-Карабахскую республику, рассчитывая в ходе маленькой победоносной войны вернуть контролируемые Арменией бывшие азербайджанские территории и создать новые геополитические условия своего функционирования. Несмотря на значительную помощь Турции и превосходство над Арменией в вооружениях, однозначной победы И.Г. Алиеву достичь не удалось, но он все-таки укрепил внутреннюю легитимность власти³.

¹ Сафарян А. Кадровый мастер-класс от Пашиняна. 2018. Доступ: <https://ru.armeniasputnik.am/politics/20181016/15127617/kadrovyy-master-klass-ot-pashinyana-borba-so-starym-rezhimom-ego-zhe-rukami.html> (проверено 22.01.2021).

² Для Ильхама Алиева это не война, это политический шанс. Доступ: <https://news-front.info/2020/10/01/dlya-ilhama-alieva-eto-ne-vojna-eto-politicheskij-shans/> (проверено 22.01.2021).

³ Там же.

В Таджикистане после гражданской войны установился авторитарный режим президента Э.Ш. Рахмона. В Узбекистане длительное время держался режим личной власти президента бывшего партократа И. Каримова, который был сменен политрежимом Ш.М. Мирзиёева. В Туркмении до 2006 г. функционировал суперпрезидентский режим (фактически – жесткая диктатура и невероятный культ личности) пожизненного президента Туркменистана бывшего партократа С.А. Ниязова (Туркменбаши). Ему на смену пришел более современный авторитарный режим Г.М. Бердымухамедова¹.

Для политических режимов стран Средней Азии характерен жесткий президентско-авторитарный режим, консервативный патерналистский национализм за исключением Киргизии, где формируется нестабильная демократия [Баранов 2011]. В силу стабильности и отсутствия смены лидеров режимы и даже личностные режимы в этих регионах меняются редко.

Нельзя обойти вниманием Литву, Латвию и Эстонию, где установился практически общий националистический режим с элементами, с одной стороны, консолидированной демократии, с другой – с курсом на героизацию местных нацистов. Национально-демократические режимы имеют известные дефекты демократии (лишение прав русских «неграждан») и ряд особенностей, связанных с военной историей этих стран и героизацией местных бывших нацистов². В то же время следует отметить, что в этих странах фактически отсутствуют личностные авторитарные политрежимы (за исключением Д.П. Грибускайте). Это можно объяснить тем обстоятельством, что Прибалтийские государства реально лишены суверенной самостоятельности и проводят политику под жестким контролем Евросоюза и НАТО.

В Молдове сформировался национально-демократический режим, в рамках которого функционировали умеренно националистические режимы бывших партократов М.И. Снегура, В.Н. Лучинского, В.Н. Воронина, парламентско-президентский режим, связанный с именами либералов М.Ф. Гимпу, М.И. Лупу, Н.Н. Тимофти, И.Н. Додона [Фокина 2017].

Личностный режим по форме является, как правило, президентским с признаками или без признаков авторитаризма, с тенденцией превращения в национально-лидерский режим. Эта тенденция проявилась практически во всех странах СНГ. Однако авторитарно-лидерский режим не сложился в парламентских республиках Латвии, Эстонии, Молдовы и в Украине по причине несформированности института общенационального лидерства.

В настоящее время на постсоветском пространстве формируется единая общепринятая идеология развития интеграции авторитарно-лидерских модернизационных политических режимов. Россия, Казахстан и частично Беларусь как наиболее сильные интеграционные геополитические центры выдвигают в настоящее время обновленную идеологию евразийского единого постсоветского пространства. Авторитарные режимы среднеазиатских стран поддерживают этот тренд в той или иной степени. На территории российской евразийской цивилизации распространен патернализм, этатизм и вера в высшего руководителя страны, который борется с извращающей его курс политической элитой. В силу ментальных характеристик населения имеет значение личность правителя, которая во многом определяет складывавшийся на определенном отрезке времени реальный инвариант господствующего поли-

¹ Омаров К. 2018. Туркменистан от Ниязова до Бердымухамедова: паранойя и изоляционизм. Доступ: <https://novayaepocha.com/turkmenistan-ot-niyazova-do-berdymukha/274845/> (проверено 22.01.2021).

² Середенко С. 2018. Отличительные черты прибалтийских режимов 2018. Доступ: <http://www.stena.ee/blog/otlichitelnye-cherty-pribaltijskih-rezhimov> (проверено 22.01.2021).

тического режима в рамках сложившейся социально-политической системы. Авторитарный руководитель может стать общенациональным политическим лидером, харизматическим вождем. Такой тип политического деятеля воплощает в себе не только личные персоналистские качества, но демонстрирует совокупность авторитарных методов политического руководства. В силу социокультурных характеристик постсоветского пространства огромное значение имеет авторитет и опыт эффективного правителя, который во многом определяет сложившийся на определенном отрезке времени реальный инвариант господствующего политического режима в рамках сложившейся социально-политической системы. Этот внутренний инвариант режима можно определить как внутренний личностный политрежим. Это понятие позволяет более глубоко операционализовать исследования в рамках традиционных концепций авторитаризма и тоталитаризма.

Таким образом, в процессе развития в постсоветских странах демократической системы и появления ее институциональных искажений, как правило, происходит формирование авторитарных режимов на основе утверждения во власти политических руководителей, обладающих комплексом черт авторитарной личности. Демократические принципы и нормы реализуются на практике в той степени, которая наиболее приемлема для той или иной конкретной формы так называемого электорального авторитаризма¹.

Во всех без исключения странах на постсоветском пространстве, при некотором своеобразии России, установились национально-демократические режимы с различными вариациями, в рамках которых формировались и сменяли друг друга внутренние личностные политрежимы, как правило авторитарного характера. Демократическая составляющая находится на втором плане и носит, как правило, фоновый характер. В основном режимы носят авторитарный модернизационный характер по содержанию и президентский – по форме. Личностный фактор во всех странах способствовал ускоренной или замедленной реализации программ развития в рамках объективно складывавшейся повестки задач. Авторитаризм (автократизм) и президентство на постсоветском пространстве вызваны однотипными объективными условиями и имманентно взаимообусловлены. Практика показывает, что президенты в странах постсоветского пространства в рамках своих личностных режимов реализовывали свои варианты решения проблем и привели свои страны к различным переменам, как к позитивным, так и в ряде случаев негативным, в т.ч. к вооруженным конфликтам.

Список литературы

Баранов Н.А. 2011. Политические режимы постсоветских государств. – *Весна науки – 2011: материалы конференции профессорско-преподавательского состава и студентов*. СПб: Знание, ИВЭСЭП. С. 149-154. Доступ: <http://nicbar.ru/statia80.htm> (проверено 22.01.2021).

Борисов Н. 2011. Институт президентства в странах Центральной Азии: персонализация vs институционализация. – *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 14. № 4. С. 65-75.

Гетти Арч. 2016. *Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция*. М.: РОССПЭН. 374 с.

Кислицын С.А., Петрова С.В. 2017. К вопросу о политическом режиме современной Украины. – *Свободная мысль*. № 2. С. 33-45.

¹ Эксперт КГИ Григорий Голосов: Авторитаризм и выборы. Доступ: <https://komitetgi.ru/publications/2260/>.

Кислицын С.А., Петрова С.В., Репинская О.В. 2016. *Проблемы прикладной геополитики Евразии*. М.: URSS; Ленанд. 414 с.

Кислицын С.А., Петрова С.В., Терентьева М.С. 2019. *Авторитаризм и президентство на постсоветском пространстве*. Сочи: РИЦ СГУ. 288 с.

Кудрявцев Ю.А. 2012. *Государственные режимы*: монография. СПб: Юридический центр Пресс. 350 с.

Курскова Г.Ю. 2010. *Политический режим Российской Федерации. Политико-правовой анализ*. М.: ЮНИТИ; Закон и право. 303 с.

Макаренко Б.И., Мельвиль А.Ю. 2014. Как и почему «зависают» демократические транзиты. Посткоммунистические уроки. — *Политическая наука*. № 3. С. 9-39.

Маркедонов С.М. 2018. Тридцать лет нагорно-карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования. — *Постсоветские исследования*. Т. 1. № 2. С. 132-141.

Пайгина Д.И. 2015. Политический режим и перспективы его исследования в юридической науке. — *Журнал российского права*. № 11(227). С. 29-34.

Попов С.В. 2011. Российская власть и парламентская оппозиция в 2000-е годы. — *Политика и общество*. № 38. С. 86-94.

Российская историческая политология (сост. С.А. Кислицын). 1998. Ростов н/Д.: Феникс. 608 с.

Фокина Л. 2017. Двадцатилетний юбилей суверенной Молдовы. — *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее*. М.: НП РСМД. С. 66-70.

Хакимов Р.С., Хоменко В.В., Абдурахманов Р.Ф., Хуснутдинова А.Т. 2013. *Перспективы российского федерализма в XXI веке*. Казань: КЦФПП. 726 с.

Цыганков А.П. 1995. *Современные политические режимы: структура, типология, динамика*. М.: Интерпракс. 296 с.

Шипунов Г.В. 2011. Методологические основы использования категории «политический режим» в контексте исследования посткоммунистических трансформаций. — *Вісник СевНТУ*. № 123. С. 66-72.

Эмиров Р.М. 2016. Особенности эволюции политических режимов стран Южного Кавказа. — *Вопросы политологии*. № 1(21). С. 90-97.

KISLITSYN Sergey Alekseevich, Dr.Sci. (Hist.), Professor of the Chair of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; kislizins@yandex.ru)

TERENTYEVA Marina Sergeevna, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; _ms@mail.ru)

AUTOCRACY AS AN IMMANENT PATTERN OF THE DEVELOPMENT OF THE POST-SOVIET COUNTRIES IN THE AREA OF EURASIAN CIVILIZATION

Abstract. The article clarifies the specifics of adapting the democratic political system to the traditionalist conditions of the post-Soviet space of the Eurasian civilization. Russia has developed a modernizing presidential political regime of a democratic nature with a significant role of the personality of President Vladimir Putin. The authors show that the personal factor also contributed to the formation of authoritarian regimes in most CIS countries that implement the imperious mission of a strong state and strive for accelerated implementation of development programs. The special role of the personal factor

and autocratic practices of policy implementation is manifested in the formation of government regimes, as a rule, autocratic in content and presidential in form. It is determined by historical reasons and mental conditions for the development of national states in the post-Soviet space.

Keywords: *political regime, autocracy, authoritarianism, leadership, political history, Russian Eurasian civilization, post-Soviet space*

КИРСАНОВ Анатолий Иванович – доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и практики управления, директор института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» Московского государственного психолого-педагогического университета (123290, Россия, г. Москва, Шелепихинская наб., 2А, стр. 1; kirsanovai@mgppu.ru)

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье раскрываются проблемы, связанные с реализацией государством обеспечения безопасности личности в основных сферах жизнедеятельности общества с учетом современных вызовов и угроз. Автор анализирует положения Конституции РФ, федеральных законов, касающиеся вопросов безопасности личности, и предлагает отдельные направления повышения уровня политической безопасности личности как функции государства.*

Ключевые слова: *государство, общество, личность, безопасность, глобальные вызовы и угрозы*

Государство и личность связаны между собой как субъект-субъектными, так и субъект-объектными отношениями. В самом общем виде они могут быть охарактеризованы двумя крайними положениями: а) государство может обеспечить и на деле обеспечивает защищенность всех своих граждан; б) государство может быть угрозой безопасности личности (диктаторское, деспотичное, тоталитарное государство заинтересовано в незащищенности личности в целях обеспечения собственной внутренней безопасности).

В отечественной социально-политической практике проблема безопасности личности рассматривалась через призму обеспечения государственной безопасности, которая автоматически должна была ее обеспечивать. В реальности этого не происходило. Нельзя сказать, что советская система обеспечения безопасности государства, общества и личности была плоха — ее главными отличительными признаками была идеологизированность, соединявшая воедино интересы личности, общества и государства, и тотальный контроль государства над личностью. Автор вовсе не против идеологии как таковой, наоборот, он полагает, что именно государственная идеология предопределяет вектор политического мировосприятия, формирует ориентиры, опираясь на которые личность вырабатывает собственные ценностные ориентации. Потеря или утрата этих ориентаций означает потерю координат, которые и позволяют ориентироваться в обществе. Вопрос в другом: какая это идеология? Гармонизирует ли она индивидуальные и общественные интересы с интересами государства? Коррелируют ли интересы государственной безопасности с интересами безопасности личности?

Не вдаваясь в анализ и характеристику ответов на данные вопросы, отметим, что безопасность государства должна начинаться с безопасности личности. Можно, безусловно, возразить: если государство не может обеспечить соб-